

— Откуда такие огромные цифры!
— С потолка!..

К Р О К О Д И Л

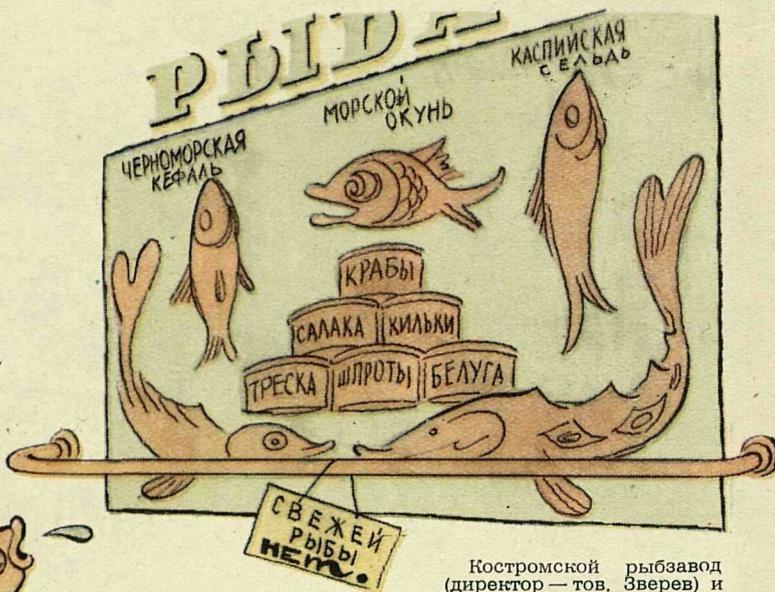

Крокодил в КОСТРОМЕ

Костромской трест «Дормострой» перекопал большинство центральных улиц города, сделав их совершенно непригодными для движения.

— Товарищи! Мне необходима скорая помощь!..

Костромской рыбзавод (директор — тов. Зверев) и горпищеторг (зав. — тов. Баталов) не обеспечивают город свежей рыбой.

— С нашими местными руководителями жить можно!..

Костромская милиция систематически устраняется от борьбы с хулиганством.

МИЛИЦИОНЕР:— Безобразие! Куда смотрит общественность?!

Очень медленно и плохо строится областная больница (трест «Костромстрой», стройучасток № 1).

Помещаем данный рисунок в связи с трёхлетием основания этого основания.

По вине горэлектросети (руководитель—тов. Щекин) многие улицы не освещены: фонари неисправны.

— Осторожнее! Не наткнитесь на фонари!..

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши замечания просим направлять по адресу: КОСТРОМА, Исполком городского совета, товарищам ЖУКОВУ и ХАКИМОВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА:— Почему ваша жена не ходит на работу?
 СЧЕТОВОД: — Вашей-то одной дома скучно будет.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Пожелания Крокодила Детгизу

Ленинградское отделение Детгиза выпустило в свет сказки Братьев Гримм, снабдив их обращением к педагогам, библиотечным работникам и родителям, в котором «просит присылать пожелания автору»...

**Хочу тебе, во-первых, пожелать я,
 Чтоб понял ты в конце концов:
 Коль книгу сочинили «братья»,
 Так, значит, это не одно лицо!**

**Тебе я пожелаю, во-вторых:
 Не принимай усопших за живых!
 Ведь знают даже маленькие дети,
 Что Братьев Гримм давно уж нет
 на свете...**

**И, в-третьих, я тебе желаю от души:
 Своим вниманьем и заботой
 Ты окружать умерших не спеши,—
 С живыми лучше поработай!**

Крокодил

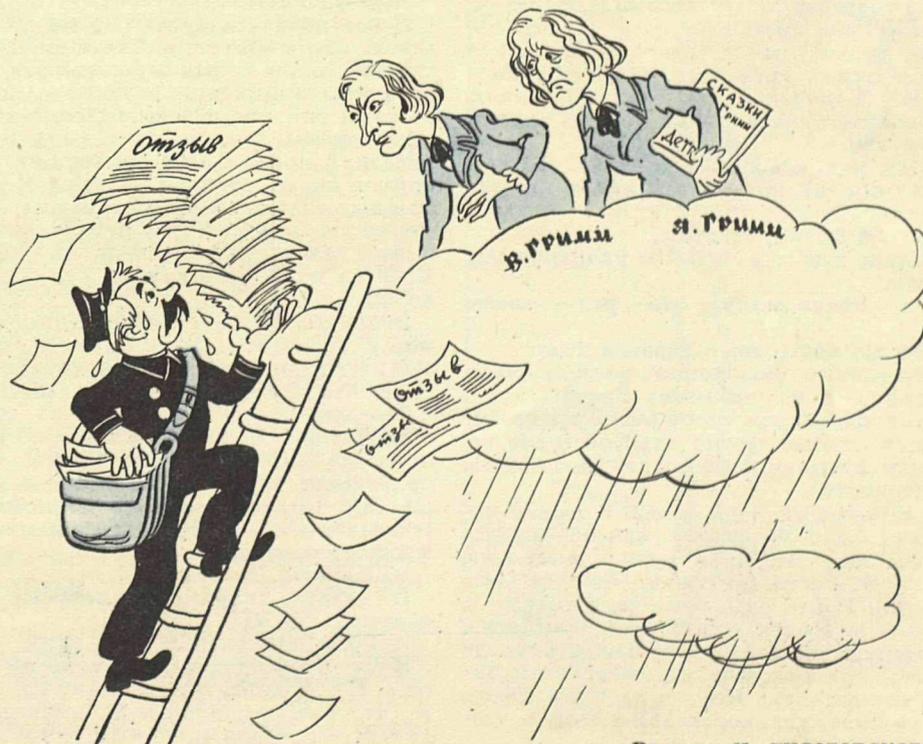

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунок Бориса ЛЕО.

Экспатрикулляция

День рождения Инны приходился в самый канун ноябрьских праздников, и по сему случаю друзья Инны решили отметить этот день поторжественней. На шесть часов в комнате студенческого общежития, где жила Инна, был назначен обед. В целях экономии инициативная группа решила исключить из меню всякие деликатесы и разносолы. Стол должен был быть сервирован по-походному, главным образом за счёт изделий консервно-колбасных предприятий. Из холодных блюд — лещ в маринаде, из горячих — сосиски.

Пока разговор шёл о крабах и сосисках, инициативная группа действовала единодушно, но как только дело перешло к напиткам, между друзьями начались разногласия. Женская часть инициативной группы категорически высказалась против всяких вин.

— Нет, нет. Ни в коем случае!

Мужчины не признавали такой категоричности.

— А как быть с тостами?

— Какие ещё там тосты? — упорствовали девочки.

— За именинницу — это раз, — сказал Юра.

— За дружбу — два, — добавил Рэм.

— За пять по письменной, которая будет в четверг, — три, — закончил Костя.

И так как парни настаивали на своём, девушки скрепя сердце дали согласие на покупку бутылки наливки и двух бутылок портвейна.

На следующий день, ровно в шесть часов, как было условлено, началась праздничный обед. Всё было мило и чинно на этом обеде. Гости ели, пили, обменивались шутками. После еды стол был сдвинут к стене, и начались танцы. Рэм пригласил именинницу на вальс. Юре было неприятно такое приглашение, но он смолчал. Затем Рэм пригласил Инну и на танго. Здесь Юра не выдержал, подскочил к Рэму и громко сказал:

— Бесчестный соблазнитель!

Примерно такую же фразу бросил в своё время Ленский Онегину. Если бы Юра вспомнил об этой фразе до тоста «за именинницу», ребята только посмеялись бы над ним. К сожалению, мальчики выпили не только «за именинницу и за дружбу», но и «за пять по письменной». В голове у Рэма шумело и без того, а тут такое оскорбление. Рэм вскипел и потребовал сатисфакции.

Мальчики стояли друг против друга петухами.

— К барьеру!

— С удовольствием!

И вот началась дуэль. Но не на пистолетах, как в «Евгении Онегине», и не на шпагах, как в «Трёх мушкетёрах». Наши дуэлянты состояли в борцовском кружке, поэтому они пустили в ход соответствующие приёмы. Юра пытался взять Рэма на передний пояс. А Рэм перехитрил Юру и поймал его на двойной нельсон. А так как Рэм был сильнее Юры, да и выпил меньше его, то уже через минуту неудачливый ревнивец лежал, успокоенный, на лопатках. И не на полу, а на диване, лежал и крепко спал.

Дуэль окончилась благополучно, и гости могли продолжать танцы, как вдруг совсем неожиданно в комнате появились представители административной власти.

Оказывается, две девушки из того же общежития — Нинель и Сильвия, — обидевшись на именинницу за то, что она не пригласила их в гости, решили отомстить ей. Как только в комнате раздался шум, Нинель с Сильвией выскочили на улицу и к постовому:

— Караул! Помогите!

И караул тяжёлым солдатским шагом поспешил на бал.

— Граждане, давайте не будем!..

Инна была огушена приходом таких гостей. Она и без того проклинала себя за то, что разрешила пить на именинах наливку, от которой помутилось в голове у её друга Юры, а тут вдруг милицейский про-

токол. Инне взять бы да и объяснить спокойно милиции, что и как, а она вместо этого бросилась к Сильвии, которая стояла в дверях с ехидной улыбкой на устах, и наградила её звонким шлепком по шее.

— Ах ты, змея подколодная!

Инна ударила сгоряча, а потом всю ночь и всё следующее утро девушка не находила себе места от переживаний. Наконец днём она решила и пошла к директору института — Фридриху Карловичу Лехту.

— Расскажу ему всё, как было.

Но Инну опередили. Нинель и Сильвия, оказывается, уже побывали у Фридриха Карловича и рассказали ему обо всём происшедшем по-своему:

— Скандал. Дуэль. Рукоприкладство.

И т. д. и т. п.

— Дуэль?

Возмущению директора не было границ. Поэтому, когда Инна вошла в кабинет Фридриха Карловича, у него на столе уже лежал приказ об её исключении из института.

Если бы Инна была похитрей да ударила в слёзы, Фридрих Карлович, быть может, смилостивился бы и оставил её в институте. А Инна как увидела приказ, так и окаменела. Не только хитрить, ей стыдно было поднять глаза на директора.

Господи, а что, если об этом приказе узнает мама?

Инна уставилась невидящим взглядом в окно и думала только об одном: что ей сделать, чтобы вернуть уважение окружающих? Она с удовольствием придумала бы для себя самое трудное, самое невыполнимое задание. Но ничего подходящего не придумывалось. И вдруг её осенило.

— Фридрих Карлович, — сказала она, — больше всего в жизни я люблю искусство. С детских лет я мечтала стать скульптором. Но если вы скажете мне сейчас: иди на производство и искупи свою вину, — я пойду.

— На производство? — переспросил Лехт и загорелся.

Директор Таллинского художественного института Фридрих Карлович Лехт был по натуре человеком добрым, душевным. Он не только одобрил решение Инны, но и обещал ей всяческое содействие на первых порах её работы на производстве.

— Идите, трудитесь, а мы вас не забудем и через год снова зачислим в число студентов нашего института.

— Не забудем! — восторженно повторил Лехт.

Но этот милый, восторженный человек страдал одним серьёзным недостатком. Сам Лехт не всегда претворял в жизнь свои добрые намерения. Он поручал это заместителю директора института Раунаму. А этот заместитель, скажем прямо, обладал менее милой душой, поэтому добрые директорские предначертания часто в жизнь не претворялись.

Инна больше всего боялась, чтобы служба её именинах не дошла до дома в искажённом виде.

— У моей мамы больное сердце.

А О. Раунам сел и написал этой маме такое письмо:

«Ваша дочь резко нарушала правила внутреннего распорядка. Она принимала в общежитии гостей мужского пола, употребляла вместе с ними спиртные напитки и т. п.»

И т. п. Трудно поверить, что все эти страшные слова написаны о той самой товарищеской вечеринке, которую устроили комсомольцы в честь иннинных именин. «Принимала гостей мужского пола...» От этого выражения за версту несёт полицейским протоколом. И кто бы мог подумать, что такая дичь была написана рукой педагога на бланке учебного заведения!

Положение несчастной Инны усугублялось тем, что её мама жила не в Таллине, а за сотни километров от него и не могла поэтому в тот же день навеститься в институт и узнать, что в письме замдиректора было правдой, а что ложью. В результате, пока шла переписка, у мамы от огорчений и переживаний произошёл тя-

жёлый сердечный приступ, и она на два месяца слегла в постель.

Раунам решил не шадить не только мать, но и дочь. Он вызвал к себе Инну и предложил ей немедленно выехать из общежития.

— Куда? Позвольте мне сначала устроиться на работу.

Но Раунам не позволил, и через два дня Инна оказалась на улице. В Таллине уже наступила осень. Мокрая. Холодная. А у Инны в этом городе ни родных, ни знакомых. Другая девушка плюнула бы и на учёбу и на работу и уехала бы домой, под тёплое мамино крылышко. А Инна проявила твёрдость. Она дала слово искупить свою вину, и она решила сдержать его. Она будет работать на производстве, и именно здесь, в Таллине, рядом с художественным институтом, который она так любит.

Трудно было Инне одной в чужом городе. Но девушка не приходила в отчаяние. Она знала: ей помогут. Не в привычках советских людей оставлять товарища в несчастье. И первый же человек, который узнал про беду Инны, принял в её деле самое горячее участие. Этим человеком была секретарь партийной организации фабрики «Пунане Коит» Альвина Яковлевна Паринд. Она привела Инну на фабрику, познакомила её с мастерами, инженерами, рабочими. И среди этих людей Инна нашла самых отзывчивых друзей. Начальник ткацкого цеха Мухортова с радостью приняла девушку в свой коллектив. Молодая работница Шура Стукачёва взялась обучить её профессии ткачихи. Жена плотника Багунова приютила Инну у себя в доме.

— Живи ты с нами вместо родной дочери, — сказала Багунова. — В тесноте, да не в обиде.

Много трогательного и поистине материнского было в заботе этих простых людей о бывшей студентке художественного института. И эта студентка отплатила за добро добром. Уже через три месяца она с отличием окончила курс обучения у Шуры Стукачёвой и стала работать самостоятельно. Сначала на одном шёлкоткацком станке, затем — на двух. Работала Инна старательно. Выработывала ткань лишь первого сорта и очень скоро оказалась в числе лучших ткачих цеха.

Между тем время шло. Старый учебный год уже окончился, и в институте готовились к новому. И вот как-то утром в кабинете директора института Лехта появилась Инна. В руках у неё было письмо с фабрики, рассказывающее о её работе на производстве.

Директор прочёл письмо и от удивления развёл руками:

— Как, вы были ткачихой?

Почти год студентка художественного института работала на фабрике. Успехам молодой работницы радовались все. Её подбадривали, поздравляли люди знакомые и незнакомые, и только работникам художественного института не было, оказывается, до Инны никакого дела. За все эти месяцы никто из института так и не наведалься на текстильную фабрику, никто не спросил:

— Ну, как работает у вас наша питомица?

Институт забыл о своей студентке, и вот теперь Фридрих Карлович Лехт, как человек деликатный, чувствовал себя перед этой студенткой довольно неловко. Фридрих Карлович смутно помнил, что он когда-то кому-то что-то поручал. Но что и кому, оказалось забытым.

Неловкое состояние продолжалось, однако, недолго. Директор подошёл к Инне и сказал:

— Молодец! Хвалю. В конце концов хороший скульптор должен не только уметь владеть резцом, но и обладать твёрдым характером. А у вас он есть. Что ж, приступайте к учёбе.

И вот вместо того, чтобы тут же отдать приказ о восстановлении Инны студенткой

института, директор Лехт поручил это сделать своему заместителю Раунаму. А Раунам, как и в прошлом году, сделал всё наоборот. И вовсе не потому, что он был мстителен по натуре. Заместитель директора художественного института просто-напросто не понимал: зачем педагогам возиться с беспокойными студентами и настаивать их на путь истинный? Раунам во всех трудных случаях жизни признавал только одну меру воздействия на студентов — исключение из института. Причём если исключать, то только навсегда. Но так как замдиректора не мог отменить решения своего директора, то он и не говорил прямо «нет». Сначала Раунам сказал Инне:

— Пусть за вас походатайствует первичная комсомольская организация.

Затем он потребовал ходатайства райкома. Раунам надеялся, что, может быть, какая-нибудь из инстанций поможет ему и откажет Инне в восстановлении. Но обе комсомольские организации дружно вступились за студентку.

— Инна осознала свою ошибку, — сказали в райкоме, — значит, ей нужно дать возможность закончить своё образование.

Раунаму ответ не понравился, и он стал тянуть время.

— Зайдите через неделю. Через две.

В дело вмешался секретарь партийной организации института. Он хотел пойти с жалобой к директору. Но тот оказался в отпуске.

Раунам между тем продолжал действовать. Он написал письмо в Министерство культуры Эстонской ССР. Начальник отдела учебных заведений этого министерства О. Кольял вместо того, чтобы вызвать к себе Инну и вдумчиво разобраться в её деле, бюрократически начертил: «Эксматрикулирована правильно. В художественном институте не восстанавливать».

Почему не восстанавливать? На каком основании? Может быть, у Инны не было способностей для учёбы в этом институте? Ничего подобного. Она успешно дошла до четвёртого курса, и ей осталось всего полтора года, чтобы получить диплом. Оказывается, О. Кольял так же, как и О. Раунам, придерживается того кулинарного правила, по которому лучше выкинуть из супа три хорошие картошки, чем оставить одну испорченную. Но правила кулинарии неуместны в воспитании молодежи.

Студент не картошка, а человек. Что же касается Инны, то она при этом человек вовсе не испорченный. Допустим, что этот человек по молодости лет допустил ошибку, пусть даже серьёзную, — что ж, накажите его, но помогите исправиться. Разве можно зачислять юношей и девушек, только-только вступающих в жизнь, в число безнадёжных людей?

Приказ об исключении — это не тавро на всю жизнь. Видишь, что человек становится на правильный путь, помоги ему. Поддержи, приласкай, но не отталкивай.

И вот по инициативе общественных организаций текстильной фабрики и Министерства культуры СССР Фридрих Карлович Лехт сразу же по возвращении из отпуска вновь должен был заняться злополучным делом Инны. И Лехт поспешил ответить всем заинтересованным организациям:

— Всё в порядке. Не волнуйтесь. Порок наказан, добродетель торжествует.

Восстанавливая студентку в институте, Ф. К. Лехт не посчитал нужным сделать даже замечание своему заместителю.

— От Раунама трудно требовать теплоты и душевности, — говорил потом Фридрих Карлович. — Он же администратор.

Да. К сожалению, он только администратор, хотя ему полагалось бы быть ещё и воспитателем. А этого, к сожалению, никто Раунаму и не сказал. В результате порок был наказан, да не очень. А добродетель торжествовала, но не совсем.

БЕЗ СЛОВ О ДУБЕ

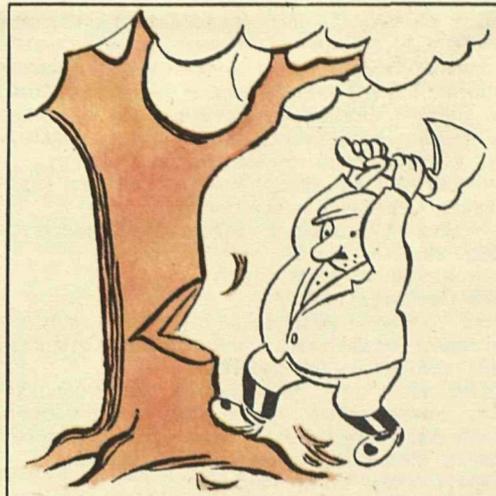

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Вот он стоит перед председателем колхоза В. Ф. Сергеичевым, кряжистый, нахальный, в хорошо подогнанном полушубке и высоких сапогах. На его лице блуждает угодливая улыбка. Он весь внимание и почтение. Но, несмотря на улыбку, председатель знает, что его собеседник из плута скроен и мошенником подбит.

— Ну как, Газизов,— в десятый раз спрашивает Сергеичев,— сойдёмся?..

— Что ж, можно и сойтись,— соглашается Газизов.

— Какая же твоя цена?

— Сотенную дашь?

На языке новоявленного представителя частного подрядного капитала «сотенная» означает сто тысяч рублей.

Сто тысяч за строительство животноводческих помещений! И такую уйму денег бросить компании частников? У председателя сельхозартели «Рассвет» перехватывает дыхание...

— Побойся бога, Газизов!

— Бога, как вам известно, нету. Аллаха тоже,— иравоучительно замечает подрядчик.

— Да, но сто тысяч— это грабёж!

— А мы никого не заставляем. Хочешь— плати, не хочешь— строй сам!

Самому строить председателю не хочется. Строительной бригады в колхозе нет. Вернее, она есть, но только на бумаге. Что же теперь сделаешь? Зима на носу. Надо выворачиваться. И торг вспыхивает с новой силой. Председатель просит уступить, Газизов— настаивает... Газизов горазд торговаться. Он настукает на председателя и кричит охрипшим, натруженным голосом:

— Не жалею денег, председатель! Пожалей животных!

Но председатель жмётся. «Ох, намылят мне шею за это дело!— думает он.— Не дай бог, узнают в районе».

Тревога колхозного руководителя совершенно напрасна. В районе об этом знают. Вот и сейчас председатель исполкома районного Совета Тимофей Степанович Корольков беседует на эту же тему с председателем колхоза «Герой Октября» Свиныаковым.

— Животных на зиму помещениями обеспечиваешь?— спрашивает Тимофей Степанович.

— А как же! Коровник строим!

Тимофей Степанович и впрямь видит, что десять молодцов стучат топорами на строительной площадке.

— Сколько дал за работу?— спрашивает Корольков.

— Шестьдесят тысяч!

— Ты, голубчик, спятил! Всей твоей стройке красная цена— тридцать тысяч!

— Знаю, Тимофей Степанович! Но что поделаешь, дешевле не берут!

Казалось, Тимофей Степанович строго спросит сейчас председателя, что за люди работают у него, откуда объявились частники и почему им переплачивают колхозные денежки.

Но Тимофей Степанович безмолвствует. Он садится в машину, хмуро прощается с председателем и отбывает в район. Волю своему гневу он даёт у себя в кабинете.

— Чёрт знает что!— кричит он заведующему отделом строительства в колхозах тов. Ложкину.— Пиявки! Сосут колхозные деньги! А мы тоже хороши.

— А чем мы виноваты?— деликатно осведомляется Ложкин.

— Как чем? Где строительные бригады в колхозах? Что они делают?

— По нашему списку такие бригады созданы в семнадцати колхозах из тридцати двух.

Председатель хочет сказать Ложкину что-то обидное, саркастическое. Дескать, бригады не работают. И его, ложкинский, список не стоит бумаги, на которой отпечатан. Но председатель и тут воздерживается от дальнейших замечаний. Весь свой гнев он обрушивает на «диких» строителей.

— Прохвосты!— гремит он.— Наживаются за счёт колхозов!

— Обратите внимание,— подхватывает Ложкин,— сколько их развелось в районе. Артель Захара Ведерникова, Карима Газизова, Николая Шипулина... У нас десять таких частных

— Внимание!.. Мастер идёт..

артелей. И все они состоят из бывших колхозников— нарушителей трудовой дисциплины.

— Стыд и срам!— снова взрывается председатель.— Попустительствуем частникам! Нет, надо раз и навсегда покончить с этим злом!

— Верно, покончить!— вторит Ложкин.

— Немедленно!— вскрикивает председатель и вдруг осекается...

— А как у нас с планом строительства?— после паузы спрашивает он.

— Завален!— не задумываясь, отвечает Ложкин.— Положение серьёзное.

— А конкретнее?

— По коровникам прорыв. По телятникам тоже. По свинарникам ещё хуже. А по птичникам— просто курам на смех! Строится только один. И план выполнен на 0,025 процента. Поставили три угловых столба!

Тимофей Степанович тяжело вздыхает и уже неуверенно добавляет:

— М-да, с частными строительными компаниями придётся со временем покончить, мы серьёзно подумаем на этот счёт...

Тимофей Степанович думает день, другой, третий...

До председателя колхоза «Рассвет» доходит слухок, что Тимофей Степанович размышляет... И он опять вызывает Карима Газизова. Торг вспыхивает с новой силой.

— Не жалею денег, председатель!— убеждает Газизов.— Построим для животных такой апартамент, что ахнешь!

— Дорого просишь, не могу!— отбивается председатель.

— Эх, была не была! Не по-твоему, не по-моему.— Газизов бросает на пол шапку.— Давай восемьдесят восемь тысяч!

Почему восемьдесят восемь, никому не понятно. Но председатель подписывает соглашение. Газизов радостно ухмыляется. Он доволен. Он чувствует, что его артели не так скоро придёт конец. Подрядчик мысленно воздаёт хвалу районным организациям, которые, по существу, не так уж плохо относятся к Кариму Газизову, Захару Ведерникову, Николаю Шипулину и прочим строительным тузам Мамадышского района.

**М. БУРЕНКОВ,
С. ПУШКОВ**

Татарская АССР.

ВЕРОЧКА

Сначала в двери показалась голубой бант, потом его хозяйка. Она вошла в купе, сияя большими серыми глазами: «Что тут интересного, в этой странной комнате, где только полки да зеркала?»

Интересное нашлось сразу — букет цветовой окна.

— Ах, цветочки! — всплеснула новая пассажирка пухлыми ручками. Секунда — и она была уже у стола, поднявшись на цыпочки, любовалась большим красным георгином. Не догадайся хозяин букета подарить облюбованный цветок, георгин под её взглядом, наверное, сам прыгнул бы ей в руку.

— Мапочка, посмотри, посмотри!..

Но мамочке и папочке было не до таких пустяков, как цветок. Они появились за спиной дочери, нагруженные свёртками и сумками, в сопровождении носильщика. Мама наспех освободила руки и посадила молодую путешественницу к окну.

— Верочка, не мешай нам, милая!

Начался увлекательный процесс распахивания движимого имущества по ящикам, полкам и уголкам. О Верочке забыли, и это время для неё было самым приятным за всё путешествие. Как только взмысленный хлопотами папаша опустил на сиденье, он тут же обратил благосклонный взор на дочь:

— Ты что делаешь, скверная девчонка?!

— Деточка, зачем же ты оципала цветочек? — запела сладким голосом мама. — Так нельзя делать! Цветочку тоже больно.

— Ремня ей! — изрёк отец таким тоном, что даже у ни в чём не повинных соседей мороз пробежал по коже. — Корми-ка её да укладывай спать!..

Отец смёл в ладонь остатки цветка и безжалостно выбросил их в окно.

Верочке было жаль расставаться с цветком, но её надутые губы сразу подобрались и лицо повеселело, когда на столе появились яства. Она оказалась не из тех худосочных чад, что капризничают за столом и не едят ничего, кроме бабушкиного варенья. Ей доставляли одинаковое удовольствие и куриная ножка, и хлеб с маслом, и кислые зёрнышки граната. С каким наслаждением она по-воробыному пила с ложки принесённый проводником сладчайший и ароматнейший эмпеэсовский чай! Но... рядом сидели папа и мама.

— Галчонок, не спеши! — вдруг врывалась в трапезу дочери мать. А через минуту: — Носик-курносик, побыстрей, тебе пора баньки!..

— Милёночек, ну зачем ты болтаешь ножками?

— Ремня ей! — как в барабан, бухал отец.

Пресловутый ремень появился на свет, когда Верочку стали укладывать. Дока её раздевали, она пела какую-то ей одной известную песенку и путала мамины волосы. Потом началась трагедия. Верочку положили на жёсткую вагонную постель, укутали одеялом и поцеловали в лоб. Ей следовало блаженно смежить глаза, а она забормотала что-то про глупых газелей и карусели, про медведя, который «как начал, как начал реветь!». Веское напоминание о ремне прервало декламацию. Но через минуту Верочка, дрыгая ногами, сбросила одеяло и села:

— Не надо спать!

Было только около восьми часов вечера, но кому же, как не родителям, знать, надо или не надо спать ребёнку? Под певичку увещевания матери и отца ослушницу вновь закутали в одеяло. Как только мать отвернулась, дочь опять села. Ещё раз уложили — манёвр повторился. Верочке нравилась эта игра, она шельмовски щурила глаза и звонко смеялась. У родителей же с каждым разом накал гнева подсакивал на несколько градусов вверх. Наконец папа достал долго обещаемый ремень. Это был полновесный армейский ремень со звездой на пряжке в ладонь шириной. Таким орудием наказания можно без труда перешибить хребет строевому коню. Глаза у Верочки наполнились ужасом, она ткнулась в подушку и притаилась, не дыша.

А родители решили дать пищу мозгам — сели вдвоём играть в подкидного дурачка.

— Ну зачем ты её так напугал? — недовольно заметила мать, сдавая карты. — Вот приснитесь ей что-нибудь страшное!

Мать выглядела десятиклассницей, отец — уже распростившимся со школьной скамьей. Замечание жены он принял как личное оскорбление и дал понять, что его учить нет ровно никакой необходимости. У супругов завязалась дискуссия, весьма поучительная для соседей по купе: хозяина букета — загорелого мужчины в очках — и сидящей дородной женщины добродушного вида. И тут выяснилось, что у папы и мамы весьма разноречивые взгляды на воспитание дочери.

— Нечего на ребёнка рычать, надо действовать лаской и убеждением, — объявляла своё кредо мать. — Если, конечно, любишь ребёнка!..

— Твои убеждения ей в одно ухо влетают, в другое вылетают, а ремнём жикнуть — долго будет помнить! — выдвигал свой принцип папа. — А кто больше любит дочь, это ещё неизвестно. Безрассудная любовь — тоже не заслуга!..

Хотя методы родителей были противоположны, как земные полюсы, вели они всё же к одной цели: сделать дочь идеальной.

Ясного представления о родительском идеале невольные слушатели дискуссии не успели составить: конец словопроения потонул в таких больше энергичных, чем глубоких доводах:

— Ничего ты не понимаешь в педагогике!

— Зато ты профессор!..

Девятую партию дурачка супруги в сердцах не доиграли.

Утром Верочка проснулась свежее зари.

— Мапочка, я наспала!..

Мама спросонья вздохнула. Вздох её можно было истолковать только так: начинается день пыток!

И действительно, этот день в тесной клетке, где только полки да зеркала, был полон пыток и для папы и для мамы, а пуще для их дочери.

«Нельзя так делать!», «Сиди смироно!», «Слушай, что тебе приказывают» — так и сыпались на верочкину голову вперемежку с напоминаниями об известном предмете солдатской амуниции.

— А ведь они считают, что эти их «так нельзя делать» — педагогические откровения, — заметил хозяин букета, когда молодые супруги на стоянке вышли из купе.

— Да, задёрнули девчонку, — отозвалась седовласая соседка. — Шагу не дают шагнуть. «Сиди смироно!» Да у детей всегда эта ненасытная жажда движения. А они будто удивлены: почему дочь на третьем году жизни не обладает благоразумием, выдержкой и другими неисчислимыми достоинствами папы и мамы, вместе взятых? Почему она ведёт себя не так, как они?

— Да, уж действительно! Как это дочь не может, по примеру отца, употребить полстакана «московской», закусить колечком колбасы и залечь на вторую полку спать с книжкой в руках?!

Семейство вернулось в купе с огромным арбузом. Он был красный и сладкий. Верочка принялась за него с неописуемым наслаждением, но... после второго маленького ломтика мама высадила её из-за стола:

— Цыплёночек, тебе хватит.

— Не хватит! Хочу ещё! — протестовала дочь, но мать осталась неумолимой.

Верочке сунули в руки карандаш, соблазнили чистым листом бумаги, и она — покладистая особа! — уселась на чемодан рисовать. На листке появилась клинопись, хаос чёрточек и кривулёк. Но хаос — это для непосвящённого взгляда, для Верочки её искусство полно глубокого содержания. Когда загорелый дядя серьёзно спрашивает: «Это у тебя, конечно, человек?», — она не менее серьёзно отвечает: «Да». На лице у неё отчуждение от мира скучной действительности, и вдруг:

— Маленькая, не надо утомляться, побегай немножко.

Вдохновение спугнуло. Клинопись потеряла свой смысл. Лицо художницы поскуцнело, она выбежала в коридор и увидела в другом конце вагона девочку с куклой. Верочка рада подруге. Но маме уже мерещатся скарлатина, корь, дифтерит.

— Верунчик, туда нельзя!

Дочь не искушена в эпидемиологии, она рвётся навстречу дружбе. Её возвращают в купе, уговаривают, грозят экзекуцией, подсовывают набор картинок, наклеенных на фанерные прямоугольнички: «Учись считать». По замыслу авторов этого набора, дошкольник обязан сразу познать премудрости счёта, если рядом с цифрами нарисовать соответственно двух сорок, четырёх зайцев или восемь индюков. Опостытели Верочке эти картинки, на которых не поймёшь, где утка, где верблюд. Она отшвырнула коробку, прямоугольнички рассыпались и угодили маме в лицо. Верочка замерла на месте. Она не знает, как это произошло, но чувствует, что совершила тяжкое преступление. В ожидании возмездия она втянула голову в плечи, виновато подняла глаза на маму, в ужасе покосилась на папу. Но ничего страшного!

— Деточка, так нельзя делать, — прежним, медово-назидательным тоном затянула мама. А папа даже заулыбался.

— Ну что, дождалась? — спросил он у мамы. — Вот, пожалуйста, пожинай плоды твоего метода убеждений!

Верочка растерялась.

— Запутали вы её, — наконец не выдержал хозяин букета. — Она уж теперь не поймёт, что дозволено, что не дозволено, где ничего не значащая шалость, где серьёзный проступок!..

— Что ж, по-вашему, ей ничего не говорить? — обиженно спросила мать.

— Почему же! Но она должна понимать, за что её бранят. А то у вас всё нельзя, всё делай только по воле родителей. Она живой человек, требует хотя бы чуть-чуть самостоятельности. В футляре, знаете ли, только скрипка может спокойно лежать.

Отец во время этой защитительной речи смотрел в окно, как-то так, не дальше стекла. Всем своим видом он говорил: «А кто вас, собственно, просит вмешиваться в наши семейные дела? Мы, было бы вам известно, сами с усами!».

Мать собралась возражать, но в это время дочь сделала новое поползновение улізнуть в другой конец вагона. Мать метнулась за ней вдогонку и втащила за руку обратно в купе.

— Да будешь ты наконец слушаться?!

— Нет! — вызывающе ответила дочь и замерла в ожидании: что с ней за это сделают?

А что с неё возьмёшь? Папа потянулся за ремнём, но и он знает, что это страшное оружие в ход не пустишь.

Верочку гнетут и собственная дерзость, и отчаянные взгляды родителей, и вагонная теснота... Она горько всхлинула:

— Не надо больше ехать! Накатались! Приехали! Хочу к бабушке Груне!

А до бабушки Груни были ещё целые сутки езды.

— Молодец наш рекордсмен! Сколько за собой учеников тянет!
— Что вы! Это его тренеры...

Рисунок Ю. ГАНФА.

Загадочный

В каком бы учреждении ни показывалась громоздкая и внушительная фигура И. Д. Карпа, там сразу становилось тесно. Не в меру словоохотливый и шумливый, он заглушал и подавлял окружающих. Всегда про запас у него имелась свежая «история из жизни», которой он потрясал невольных слушателей, и те внимали ему, разинув рты, хотя твёрдо знали, что все его рассказы — сплошные враки.

Карпа никто не принимал всерьёз. Но ни у кого не хватало мужества и решимости оборвать его болтовню и прямо сказать в лицо:

— Вы мешаете занятым людям...

На московском горизонте он появился давно. К его частым наездам в столицу привыкли и не видели никакого подвоха в том, что, рассказав во всех подробностях очередную волнующую главу из своей жизненной Одиссеи, Карп как бы невзначай замечал:

— Ну и заболтался я с вами! А у меня, между прочим, дело, — и тут же подсовывал на подпись какую-то бумажку.

Старожилы Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР и «Главвина» при нас затеяли принципиальный спор:

— Где, в каком совхозе служит Карп?

Одни с пеной у рта доказывали:

— В винсовхозе имени Маркса.

— Ничего подобного! — с горячностью утверждали другие. — Вы что-то путаете: Карп приезжал сюда вместе с директором винсовхоза имени Алиева.

Тогда третьи включались в спор:

— Вы глубоко ошибаетесь: Карп приезжал от винсовхоза «Красный партизан».

— Если на то пошло, — категорически заявляли четвёртые, — Карп — работник дербентского горсовхоза!

А пятые участники спора ехидно улыбались:

— Богатая же у вас у всех фантазия! Карп — полномочный представитель не отдельных совхозов, а всего Дагестанского винтреста. Самолично документ предъявлял...

Кто же оказался прав в этом жарком споре? Все!..

— Не может того быть! — естественно, усомнитесь вы.

Но надо хорошо знать Карпа, чтобы всякие сомнения рассеялись, как дым. Одна служба в одном месте ни в коей мере не удовлетворит его широкой, масштабной натуры. Ведь он блестяще справляется сразу с пятью службами. И это не предел для него! Предложат — и он охотно возьмёт на себя поручения и от хасавюртовского хлебозавода, и от колхоза «Красный флаг», и от азербайджанского винтреста... За особую плату, разумеется.

Внешне грузный и неуклюжий, он на редкость изворотлив. Сегодня он в Москве и Свердловске, завтра — в Риге и Казани, а послезавтра — в Минске и Ленинграде. К его услугам курьерские поезда, самолёты-экспрессы, «ЗИМы» и «Победы».

Карп зарабатывает десятки тысяч рублей. Но зарабатывает их совершенно открыто, официально, по договорам, скреплённым подписью управляющего «Даввинтрестом» И. Г. Абакарова.

Представьте себе, вы директор совхоза и ведёте крупное строительство. Вам, естественно, нужен лес. Фондового леса не хватает. Заняться самозаготовками слишком хлопотно, да и вагоны получить не так-то просто.

Вот тут на выручку и приходит Карп:

— Вам нужен лес? Чего же вы молчали? У вас будет лес! Откуда? Это уж моя забота. Для вас, быть может, леса и нет, а для меня всегда найдётся. Сколько прикажете сотен кубометров?

Вы робко называете потребное количество и опасливо спрашиваете, каким образом он, Карп, раздобудет вагоны.

— Куда мы только ни обращались насчёт вагонов, всюду отвечают отказом...

Карп измеряет вас уничтожающим взглядом.

— Кому вагонов нет, а кому есть. Кому отказывают, а кому дают с удовольствием. Если понадобится, я обращусь к

управляющему «Главвином» Вербенко или к его заместительнице Клеванной. Они не помогут, пробьёсь к самому заместителю министра Сусанину.

И Карп ничуть не преувеличивает своих возможностей.

Из-под Молотова и Свердловска, из Татарии и Чувашии несущаяся на юг «карповские» шелоны. В совхозах дербентской группы Дагестана можно увидеть «карповские» постройки, возведённые с помощью «карповского» леса.

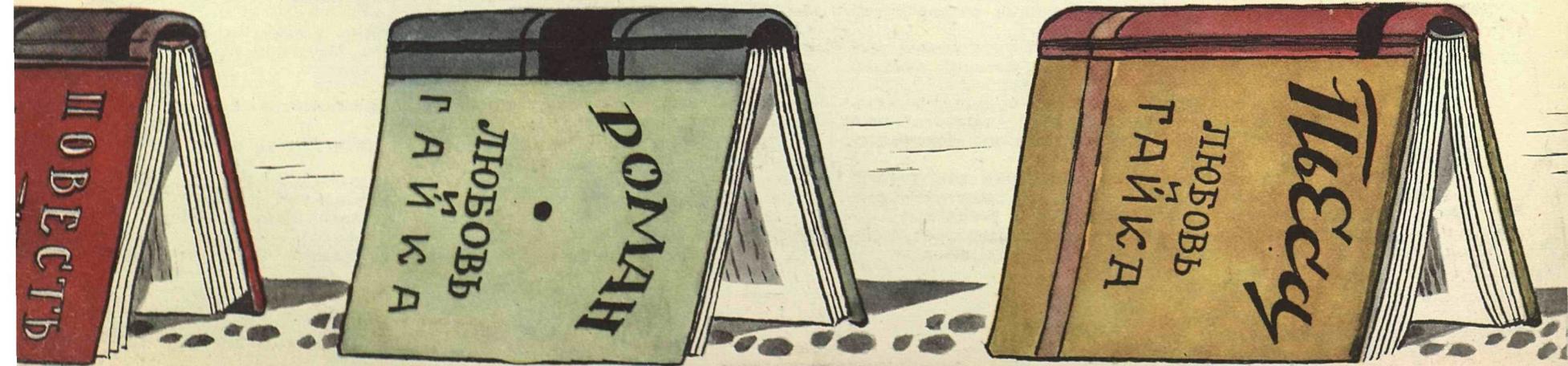
Кто же он по специальности, этот всемогущий и всесильный Карп, перед которым настуже раскрываются двери «Даввинтреста», «Рославина», Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР и управлений железных дорог? Крупный инженер лесной промышленности, талантливый специалист по лесозаготовкам или блестящий организатор-плановик? Ни то, ни другое, ни третье!

В договорах с совхозами Карп именуется себя «специалистом лесобретёром». Что это за специальность — понятия не имеют ни Карп, ни другая договаривающаяся сторона. В представлении Карпа «лесобретёр», возможно, означает высший класс блатмейстерства. Во всяком случае, «лесобретёр» хоть звучит непонятно, зато громко и импозантно. Не всякому дано быть «бретёром»!

Наделённый широкими полномочиями совхозов и «Даввинтреста», Карп заключает договоры с леспромпхозами Татарской, Удмуртской АССР, Кировской, Свердловской и Молотовской областей.

Не удивляйтесь и не задавайте наивного вопроса: как могут леспромпхозы отпустить на сторону строительный лес, если многие из них систематически не выполняют плана заготовок? Не придирайтесь! В письмах к леспромпхозам Карп скромно просит лишь об отпуске небольшого количества отходов или бракованного леса.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Карп

— Ведь их всё равно вывозить некому. Я же вам ещё деньги уплачу. Словом, иду вам навстречу...

Получается довольно-таки умильная картина: Карп идёт навстречу леспрохозам, они идут навстречу Карпу, и тот вместо отходов благополучно вывозит добротный строительный лес. Как не трудно догадаться, делается это, видимо, не ради прекрасных глаз Карпа. Тут, надо полагать, действуют более существенные аргументы. Благо, Карп располагает поистине неограниченными возможностями.

В каждом совхозе ему платят жалованья шестьсот рублей в месяц. И сверх того, в виде дополнительного вознаграждения, по пятнадцати рублей за кубометр заготовленного леса. Но и это ещё не всё! Каждый совхоз оплачивает ему стоимость погрузки леса — по тринадцати рублей за кубометр, хотя погрузка, как правило, производится самим леспрохозом, не считая суточных, командировочных и расходы по железнодорожному, воздушному, водному, автомобильному транспорту...

Столь щедрую компенсацию услуг Карпа сведущие люди многозначительно объясняют:

— Не всё попадает ему в карман. Он, говорят, кое-где кое с кем делится. Понимать надо! Иначе нельзя...

Про Карпа нельзя сказать, будто ему ничего не стоит добыть наряды на вагоны. Но и труда для него это тоже не составляет. С лёгкостью необыкновенной он получает в министерстве или в главке официальные письма к начальникам дорог, мчится к ним на самолёте и тут же молниеносно своим клиентам о получении наряда на двадцать — сорок вагонов.

Правда, вагоны ему дают исключительно для «самозаготовленного» леса. Но это лишь пустая формальность. Кто станет разбираться в таких тонкостях? Точно

так же кто станет проверять, кому именно он доставляет лес, закупленный для совхозов Дагестана?..

Послушаешь со стороны эти невероятные истории, и Карп предстаёт каким-то феноменом, человеком-загадкой. Однако при ближайшем рассмотрении ничего загадочного и сверхъестественного в Карпе нет. Достаточно чуть внимательно вчитаться в аршинные мандаты-доверенности с неограниченными полномочиями Карпу, чтобы быстро разглядеть, кто скрывается под таинственной маской «лесобретёра».

«Бретёр», как известно, — это любитель бросать направо и налево вызовы на дуэль. Конечно, между лесозаготовками и дуэлями нет ничего общего. Но Карп сумел вложить в свою специальность «лесобретёра» сокровенный, не всем доступный смысл. Он, Карп, частный предприниматель, бросал вызов государственным учреждениям и государственным служащим:

— Смотрите, как я преуспеваю! Там, где вы пасуете, я легко достигаю цели...

«Бретёр» Карп живёт и процветает. Ещё бы!

Управляющий «Дагвинтрестом» И. Г. Абакаров со спокойной совестью утверждает его договоры с совхозами, а руководители «Росглаввина» А. А. Вербенко и А. П. Клеванная, начальник транспортного отдела министерства М. А. Захаров и заместитель министра Д. И. Сусанин — хотя бы они этого или не хотят — потворствуют пронырливому «бретёру» в его сомнительной деятельности. И никому из них не приходит в голову простая и очевидная истина, что ловкий «бретёр» Карп попросту обводит их вокруг пальца. И это, если хотите, самое загадочное во всей весьма незагадочной истории Карпа.

А сколько ещё подобных карпов развелось в тихих заводях из-за благодушия и ротозейства «карасей-идеалистов»!

Е. ВЕСЕНИН,
В. ГОРБАЧ

Дербент — Москва.

Евген БАНДУРЕНКО

Липовые цифры

Сидят колхозный счетовод
И председатель
Над отчётом.
Уже четвёртый час идёт
У них работа, как по нотам.

Вот в книгах роются своих,
Растёт отчёт на цифрах дутых:
То ловко «округляют» их,
То просто «с потолка» берут их.

Чуть-чуть над сводкой посидев,
Кривую сева «приподняли».
Такие темпы принял сев,
Какие снились им едва ли!

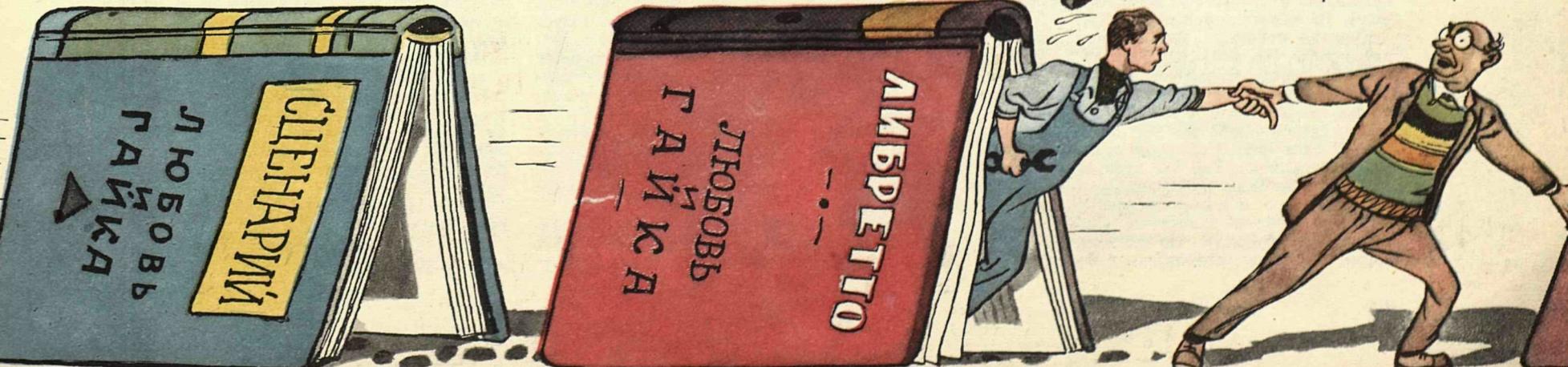
Когда в колхозе заодно
«Поднять» удой они хотели,
В полуоткрытое окно
Внезапно пчёлы запетели.

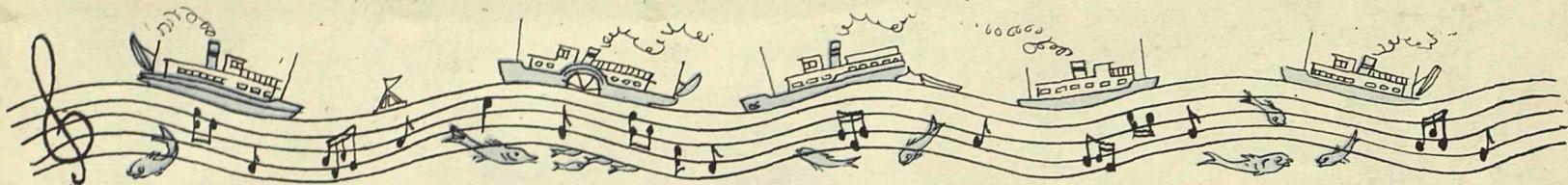
И председатель встал тогда,
Чтоб выгнать пчёл из кабинета.
Он машет сводками:
— Беда!
Какая скверная примета!..

А сторож, что вошёл как раз,
Сказал, собрав бумажек кипу:
— Отчёт-то липовый у вас,
Вот пчёлы и летят на липу!

Перевёл с украинского
А. НИКОЛАЕВ.
Из журнала «Перець».

— Крепитесь, будьте героем: я провёл вас почти через все жанры...

Писатель И. И. Куркин (Петушков) успешно сдал испытания по терапии и хирургии. Любуясь рентгенопортретом его пищевода, врач сказал: «Симпатичный!» Но отклонил, как неуместную, просьбу Куркина (Петушкова) подарить ему снимок на память для семейного альбома.

Так же, в общем, удовлетворительно прошли испытания по уху, горлу и носу. Но подвели как раз ухо и нос.

Провал произошёл в кабинете невропатолога. Врач сказал:

— Закройте глаза и быстро дотроньтесь рукой до кончика носа.

— Чьего носа? — спросил Куркин.

— Вашего носа.

Куркин добросовестно зажмурился и размашисто ткнул себя правой рукой в левое ухо.

Когда он открыл свои глаза, он увидел строгие и соболезнующие глаза врача.

— Да. Так. Ясно, — сказал врач. — Сильное переутомление. Покой. Тишина. Отдых. В санаторий.

Куркин возразил угрюмо:

— Я не могу в санаторий. Я не тот.

— Почему не тот? — спросил врач.

— Я не умею забивать козла, — признался Куркин, — и не желаю делать два прихлопа и три прихлопа.

— Да. Так. Ясно, — сказал врач. — В таком случае — Волга. Покой. Тишина. Воздух. На пароходе.

Критик А. Н. Коррозиев, знатный умелец в деле отдыха, благожелательно напутствовал свою будущую жертву и сказал:

— Превосходно! Лучший отдых! Начинайте борьбу за отдых.

— Зачем же бороться? — спросил Куркин. — Я лучше буду просто отдыхать.

Коррозиев подозрительно прищурил глаза.

— Теорийка бесконфликтного отдыха! Рецидивчик? Не выйдет. Я вам говорю: ударьте по отдыху. Добейте отдых до конца.

«Странный человек этот Коррозиев!» — подумал Куркин. Но через неделю он говорил знакомым: «Мудрый человек этот Коррозиев!»

Первый раунд в борьбе за отдых — кросс вокруг кассы — Куркин выиграл сравнительно легко. Он ловко сманивировал на переключке, обошёл справа старого профессора с молодой женой, смотался куда-то «налево» и победно вышел в полуфинал.

Вскоре Куркин убедился, что весь инвентарь отдыха был налицо: Волга, живописные берега, чудесный воздух, безмятежная лень... Отсутствовал лишь один инвентарный номер: тишина. Её заменяло радио.

Куркина поразила трогательная забота о пассажире. Он ясно представлял себе, как команда перед отправлением парохода обошла все помещения судна, заглянула во все уголки, во все щели и старательно искала те места, где пассажир мог бы укрыться от радио. И если находила, то немедленно водружала радиоточку. Так что весь пароход оказался засиженным радиоточками. Это было сплошное паро- и тепло-радиомногопочие.

Однако простые точки не удовлетворяли заботливую команду: На всех палубах, на корме, по бортам установлены были ревуны —

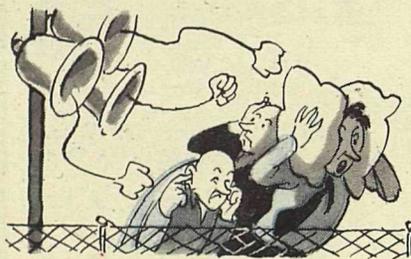
такие, которые в городах действуют на площадях, и только по большим праздникам. На пароходе был сплошной большой радиопраздник. Пароход кричал каждый день с шести часов утра до двенадцати ночи.

Кричали, вопили, голосили все суда на Волге и её притоках — от маленького буксира «Самокритика» до нового трёхпалубного «Доватора». Слово «пароход» явно устарело и не определяет основного характера движущегося по реке сооружения. Волга вся, вплоть до устья, усеяна колёсными и винтовыми репродукторами разных размеров. Есть парорепродукторы, есть теплорепродукторы, есть электродизельрепродукторы.

Пароход Куркина непрерывно встречался с другими пароходами, но как бы ни назывались эти пароходы, их встреча была прежде всего встречей преимущественно Леонида Утёсова с Клавдией Шульженко. Ещё не появлялись внизу сигнальные огни, а уже доносились могучее рычание: «Оооу, ээуу, ниуу, ооу!»

Что должно было означать: «Пой песню, пой». На что другой пароход отвечал подвыванием: «Ауи ояяя юююеыыыы», — что, вообще говоря, ничего не означало.

Куркин любил и высоко ценил художественное мастерство Л. О. Утёсова. Его радовало, что мастера эстрады так популярны на Волге.

Но его огорчало это надругательство над ними. И не над ними одними.

Несомненно, что в керженских чащобах люди ночью вскакивали в перепуге, когда грозным, рокочущим басом сладчайший И. С. Козловский требовал от них:

— Спи, моя радость, усни!

Куркин никак не мог понять: зачем нужны ревуны на пароходе? Он чертыхался в своей уютной, чистенькой каюте, но чувствовал, что безадресные проклятия не могут облегчить его душу.

Он просил радиста, могучего парня в тельняшке, прекратить или, по крайней мере, умерить шум. Но радист посмотрел на Куркина с ненавистью и презрением и сказал:

— Радио, гражданин, это для тех, кто любит музыку. А если вы не любите, нечего вам по Волге шататься.

Куркин всё же узнал, что многочисленную армию музыкальных парней в тельняшках возглавляет начальник службы связи волжского пароходства в Горьком по имени Пospelов. Куркин никогда не видел этого властителя радиоволпей, но, засунув голову под подушку, старался представить себе этого человека. Ему неясно было, стар он или молод, холост или женат. Куркину казалось, что этот знакомый человек несчастен, что он пережил какую-то душевную драму, после которой возненавидел человечество, в особенности возненавидел пассажиров.

«Это, наверно, человек с тяжёлым, мрачным взором, — думал Куркин под подушкой, — он мстит за какую-то обиду ни в чём не повинным людям. Что сделал я ему, начальнику службы связи?»

Памятута наставление мудрого Коррозиева, Куркин начал борьбу за тишину. Он поднял движение против радиорёва на верхней палу-

бе. Его поддержали пассажиры среднего и вышесреднего возраста. Против него выступили судовые чемпионы фокстрота, юные официантки и пассажирки-переростки. Капитан ловко лавировал между двумя враждующими блоками. Однако бортовым ревунам заткнули пасть. Это была победа.

Сны на Волге всё же оставались беспокойными. Когда смолкал ансамбль рыка и рёва, вступал в действие ансамбль погрузки и разгрузки.

На трубе своего парохода Куркин увидел красный поясик. Это значило, что пароход пассажирский. Голубая лента на трубе отличала пароход скорой линии. Два красных ободка — товаро-пассажирский.

Но вскоре Куркин убедился в том, что эти различия имеют чисто формальный характер, а все пароходы по существу своему грузовые. Уж не говоря о пассажирах четвёртого класса, которых брали навалом, даже избранная публика верхней палубы чувствовала себя придатком к грузу. Это выражалось во многом.

Когда Куркина спрашивали после возвращения с Волги, как выглядит Московское море, он сказал застенчиво:

— Ночью проезжали.

— А Рыбинское?

— Ночью.

— А Горьковскую ГЭС видели?

— Ночью.

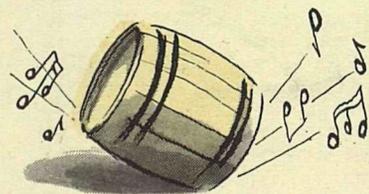
— Но Куйбышевскую?!

— Ночью.

Расписание было как бы составлено с таким умыслом, чтобы скрыть от живого груза самые живописные места. Куркин не видел Жигулей! Можно быть в Риме и не видеть папы — эта беда ещё не так велика. Но Волга без Жигулей — это вам не папа!

Куркин понимал, что груз важнее, чем человек, и не роптал. Он скромно жался к сторонке, когда ящики располагались на палубе, как у себя дома. Куркин мечтал о том недалёком времени, когда на воде будет так же, как на железной дороге: для товаров — товарные вагоны, для пассажиров — пассажирские.

Груз наполнял пароход различными запахами. Куркин мог, закрыв глаза, вообразить себя в саду: это яблоки издавали нежный аромат. Но после этого Куркин оказывался в

цехе какого-то химического завода. Это был уж не столь нежный аромат. Пассажиры чихали и вежливо желали друг другу здоровья.

А когда пароход возвращался из Астрахани, он словно превратился в движущуюся по Волге рыбкопильню. И можно было отлично выпивать под один лишь густой запах, не требуя натуральной закуски.

Ночью Куркин ворочался с боку на бок, непрерывно подтягивал одеяло, сползавшее с узкой клеёнчатой койки. Действовал всё тот же дружный ансамбль погрузки и разгрузки. Куркин уже хорошо разобрался в его репертуаре. Вот слышен громкий, но мягкий рокот: тах-тах-тах-тах! Это выкатывают бочку из трюма.

Потом: дзанг-банг, бум-дум, рр-р-бррр! Это бочку катят по железной палубе.

Бам-дзан-грнззз!!! Бочка свалилась на железную ленту-дорожку.

— Придётся, товарищи, продолжить заседание. Пока этот хулиган не уйдёт, выйти всё равно невозможно.

И успокоительно: тах-тах-тах-тах! Бочка по деревянным сходням скатывается на берег.

И снова: тах-тах-тах-тах, дзанг-банг, бум-друм, рррр, бам-дзан-грнзз, тах-тах-тах-тах...

Чтобы заснуть, Куркин считал бочки. Засыпал обычно на сто тридцатой.

Иногда ему снились приятные сны. Он видел новую Волгу, могучую магистраль, цепь озёр и морей. Он видел новый флот: белые, изящные, лёгкие туристские пароходы. На их трубах радужный ободок. Приятная, мелодическая музыка доносится с них. Это, в сущности, пловучие дома отдыха.

Куркин думал:

«Теперь туристов, отдыхающих десятки тысяч, а будут сотни тысяч, миллионы. На Волгу устремятся люди из всех стран. Это будут счастливые люди. Они увидят Жигули! Они будут хорошо спать, им не придётся вести борьбу за тишину. Это будет скоро, очень скоро, и надо готовить новый речной флот, обращённый лицом к человеку. Нельзя настоящему отдыхать на старых грузовых судах».

Когда И. И. Куркин (Петушков), поздоровавшийся, посвежевший, вернулся в Москву, его засыпали вопросами:

— Как ездилось? Отдохнули? Довольны?

Куркин говорил:

— Великолепно! Всем рекомендую: на Волгу! Чудесно отдохнёте, наберётесь сил... Конечно, есть недостатки. Радио отравляет жизнь, шум, баранина в ресторане надоела. Но воздух! Но красота! Но покой!

И только критик А. Н. Коррозиев спросил с пристрастием:

— А конфликты были?

— Были,— сказал Куркин радостно,— превосходные конфликты.

По линии борьбы с семейственностью

ДИРЕКТОР (в телефонную трубку). Попросите ко мне заведующего личным составом с документами кандидатов на свободную должность в отделе финансов. Спасибо.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ (входит). Добрый день!

ДИРЕКТОР. Добрый день! Ну, как?

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Да вот принёс документы кандидатов на должность младшего референта в отделе финансов.

ДИРЕКТОР. Ну что ж, слушаю вас.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ (садится). Итак, в настоящий момент у нас есть три кандидата.

ДИРЕКТОР. Прекрасно! Однако мы с вами должны помнить, что сейчас необычайно остро

ставится вопрос о борьбе с семейственностью. Поэтому каждую кандидатуру мы должны рассматривать прежде всего именно с этой точки зрения.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Я так и поступил. Было десять кандидатур, но после основательного анализа личных дел я сократил список до трёх.

ДИРЕКТОР. Ну, отлично! Докладывайте, я вас слушаю.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Среди прочих я вычеркнул из списка кандидатов некоего родственника нашего старика-лифтера. Правда, старик в настоящее время не работает: он в отпуску по болезни. Но это для нас не оправдание. Представим себе, что

лифтер выздоровеет. Разве мы поступились бы нормальной работой нашего лифта только ради того, чтобы зачислить в штат какого-то родственника? Ведь надо принять во внимание, что отдел финансов помещается на самом верхнем этаже.

ДИРЕКТОР. Правильно! Слушаю дальше.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Отсевная кандидатов таким способом, я оставил в списке троих. Первый — это Ковальский Роман. Двадцать пять лет. Хорошие рекомендации. Последнее место работы...

ДИРЕКТОР. Ковальский?.. Страшно распространённая фамилия!

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Конечно, что и говорить, фамилия распространённая. Если вы считаете, что этого допустить нельзя... Пожалуй, и верно, слишком популярная фамилия не соответствует скромному положению младшего референта. Вычеркнем её.

ДИРЕКТОР. Одобряю. В политике подбора кадров надо быть чутким и дальновидным. Дальше!

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Следующий кандидат — Малиновская Доротея. Лет ей...

ДИРЕКТОР. Малиновская? Любопытно. Моя жена — урождённая Малиновская.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Однако поскольку в настоящий момент у вашей жены фамилия другая, я не вижу препятствий...

ДИРЕКТОР (просматривает документы Малиновской). Нет, это не родственница моей жены. Она пишет в заявлении: «Что касается двойной бухгалтерии, то я имею в этом большой опыт, как вдова двух бухгалтеров». Среди родственников моей жены нет ни одной вдовы двух бухгалтеров. И всё же я предлагаю снять кандидатуру Малиновской Доротей, чтобы никто и никогда не смог заподозрить её в родственной связи с женой директора учреждения. Я считаю своим долгом поступить так в плане борьбы с семейственностью. Кто следующий?

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Следующий и последний — Феликс Рука.

ДИРЕКТОР. Ну, этого нужно вычеркнуть, даже не рассматривая его квалификации.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Почему?

ДИРЕКТОР. По причине сходства его фамилии с фамилией руководителя отдела финансов.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Это не совсем так. Его фамилия — Рука, а того — Руку.

ДИРЕКТОР. Вот, вот! Как это красиво будет выглядеть: референт — Рука, руководитель — Руку! Пойдёт болтовня, что в моём учреждении «Рука Руку моет». Разве у нас мало фамилий, не вызывающих таких сопоставлений?

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Каюсь, возражение совершенно справедливо. В таком случае процесс укомплектования вакантной должности младшего референта в отделе финансов мы можем считать на сегодняшний день законченным.

ДИРЕКТОР. Больше нет кандидатов?

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Нет. Нам придётся подождать притока новых заявлений.

ДИРЕКТОР. Что ж, подождём. Наша политика подбора кадров должна отличаться чуткостью и дальновидностью. И хотя мы не укомплектовали штатную должность младшего референта в отделе финансов, но зато можем воздать себе должное: мы не только преодолели семейственность, мы её пре-ду-прежде-ем! Благодарю вас.

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ (уже в дверях). Да, чуть не забыл...

ДИРЕКТОР. Ещё одна кандидатура?

ЗАВ. ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ. Нет. Мариша просила, чтобы вы, дядюшка, завтра пришли к нам обедать.

ДИРЕКТОР. Хорошо. Только помните, мои родные, что я сижу на диете.

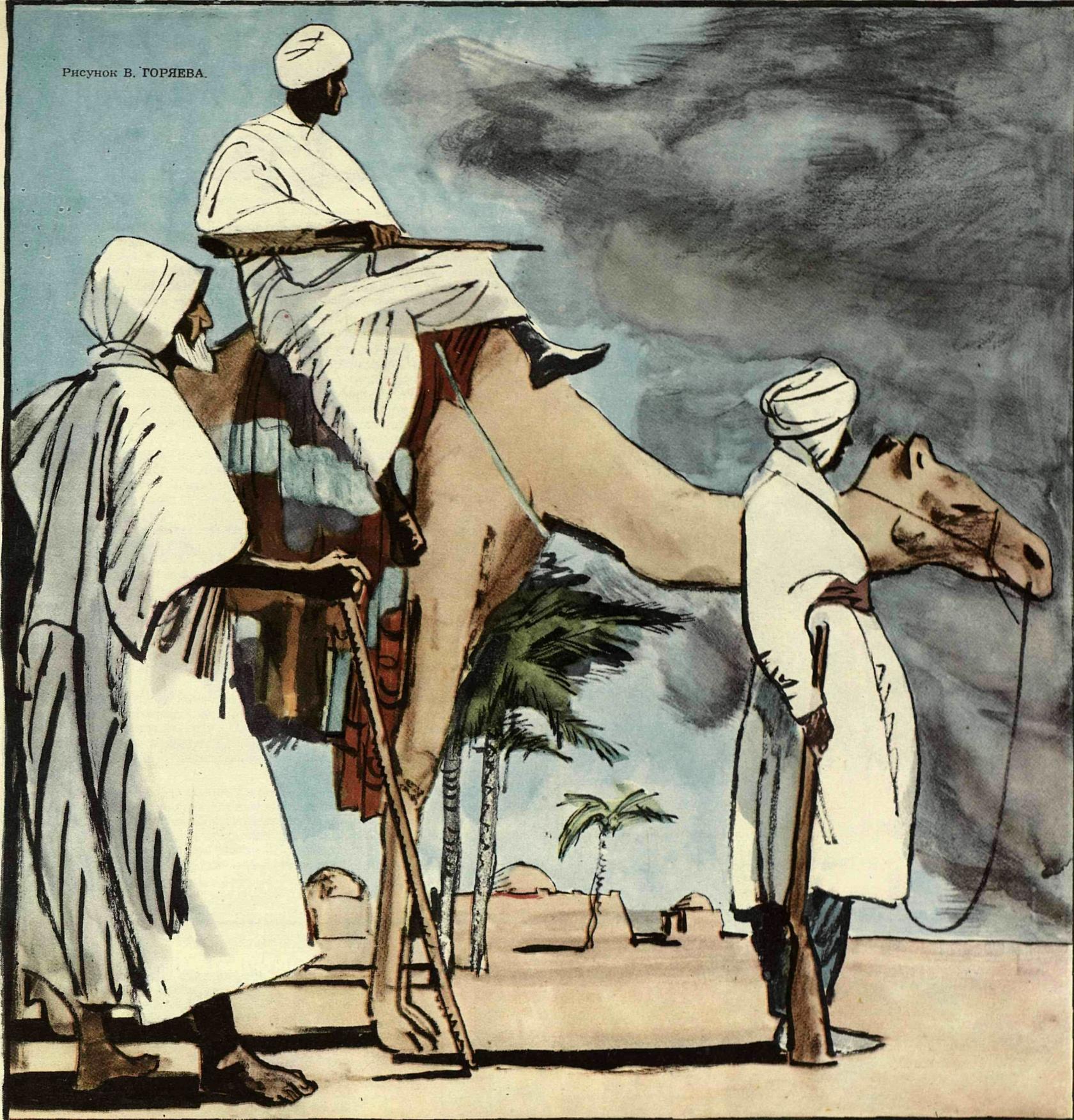
Рисунок немецкого художника Курта ПОЛТИНЬКА для «Крокодила».

Некоторые политики требуют такого объединения Германии, которое отвечало бы интересам западно-германских монополистов и милитаристов.

РАБОЧИЙ (милитаристу): — Это не для тебя!

Из журнала «Шпильки». Перевёл с польского Н. ЛАБКОВСКИЙ.

— Опять в нашем оазисе запахло порохом...
— А это потому, что колонизаторы почуяли запах нефти.

Английские компании организовали вооружённый захват оазиса Бурайми (Саудовская Аравия), богатого месторождениями нефти.

Краг жаждет известности

Коварный фаворит датского короля Полоний учил своего слугу:

«Насаживайте ложь
И на живца ловите карпа правды.
Так все мы, люди дальнего ума,
Издаюла, обходом, стороною
С кривых путей выходим на прямой».

Неизвестно, читал ли начальник штаба датской армии генерал-майор Краг эти строки шекспировского «Гамлета». Но что-то от Полония угнездило в его характере.

Краг причисляет себя к людям «дальнего ума», а точнее — к стратегам Североатлантического блока, стяжавшим себе недобрую репутацию ревнителей «холодной войны». У начальника штаба большие претензии. Презирая безвестность, генерал-майор мечтает о славе. При этом он

сполна использует услужливость редакторов датской газеты «Берлингске тиденде», которая охотно публикует его сочинения и афоризмы.

Генерал-майор Краг утверждает, что «к переговорам с Советским Союзом следует приступить, подкрепляя их известной военной силой». Старые песни, знакомые ноты! От них мало-помалу отказываются даже некоторые собратья Крага по «атлантическому содружеству» — те, которые подальновиднее.

Насаживая ложь на крючок своего красноречия, датский начальник штаба доходит до абсурда. Так, по его словам, передача Порккала-Удд Финляндии направлена... против Дании!

Ныне, когда всё человечество является свидетелем некоторого ослабления международной напряжённости, Краг выводит своим желчным пером: «В настоящее время нет никаких реальных фактов, которые свидетельствовали бы действительно об ослаблении напряжённости».

Шекспировский Полоний, как известно, в конце концов становится жертвой собственного коварства. Краг мельче Полония, он не подходит для трагедии. Он может стать лишь излюбленной мишенью для датских юмористов.

В. СИТОВ

ПРИЕЗЖАЙТЕ В АТБАСАР!

ЗАПЧАСТНИК

Надо полагать, руководящие работники Люберецкого механического завода Министерства транспортного строительства имеют возможность хоть изредка покидать пределы Московской области. От всей души советуем им побывать в Казахстане. Здесь можно как нельзя лучше совместить приятное с полезным — ознакомиться с грандиозным размахом работ по освоению целинных земель и приобрести опыт повышения качества выпускаемой продукции.

Минувшим летом завод порадовал строителей железнодорожной линии Атбасар — зерносовхоз Краснознаменский ценным подарком. Сюда прибыла партия передвижных вагончиков. Паспорта новоприбывших обнадёживающе гласили: «Жилой вагон типа ВЖ-10 предназначен для проживания людей в любое время года». Это ценное свойство более чем устраивало работников Главжелдорстроймеханизации, поскольку им предстояло сооружать и вторые пути Акмолинск — Карталы и новую линию Есиль — Тургай.

Казалось, незаменимые свойства передвижных жилищ могут быть проверены лишь в течение длительного времени. Однако уже сейчас многое стало ясным и бесспорным. Нельзя сказать, чтобы в первые дни испытания стояла жаркая погода. Но уже двадцать два — двадцать три градуса по Цельсию привели тёмную густую массу, которой были промазаны крыши вагонов, в жидкое, крайне активное состояние. Смолла, словно укрываясь от лучей солнца, бесстрашно падала сквозь щели потолка на скамьи, столы, на постели и одежду рабочих. Таким образом, сразу выяснилось, что летом в вагонах жить крайне неприятно.

Наступившая осень, со своей стороны, неопоримо показала, что и в это золотое время вагоны для жилья непригодны, так как дождевая вода обладает ещё большей текучестью, чем смола. Осенние ветры, в свою очередь, предостерегли от намерения использовать вагоны в их первоначальном состоянии под жильё зимой. Свободно проникая через щели разошедшихся стен, ветры гудели свою песенку: «Готовьтесь к морозам и метелям».

Этим сейчас и заняты в свободное от основной работы время строители. Председатель месткома четырнадцатой колонны механизаторов Валентин Иванович Лазарев сообщил, что попутно улучшается внешний вид сооружений для «проживания людей в любое время года», поскольку краска в результате столкновения с действительностью тоже пришла в негодность.

«Приезжайте в Атбасар! — приглашает председатель месткома. — Мы встретим вас, дорогие гости с Люберецкого завода, уже в более или менее приличной обстановке. Приезжайте! Может быть, откажитесь пожить денёк — другой в ещё недооборудованных нами вагонах, обменяйтесь мнениями со строителями, наметите мероприятия...».

В самом деле, почему бы и не прокатиться?

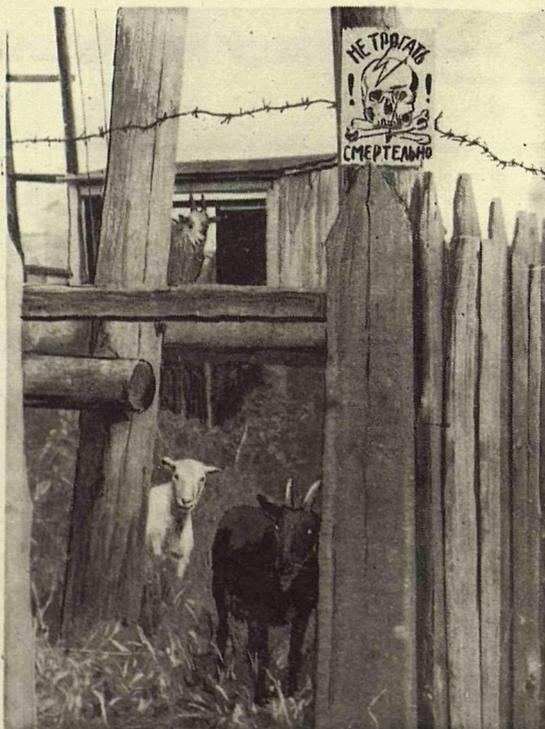
К. СЕРГЕЕВ

В мире электротехники

Судя по фотоснимку, обыкновенные домашние козы с необыкновенной смелостью опровергают незыблемые законы электротехники. Вон как непринуждённо хозяйничают они в трансформаторной будке высоковольтной линии, совершенно игнорируя устрашающий плакат с черепом и надписью: «Не трогать! Смертельно!». Между прочим, обратите внимание на самодовольную рожу бородатого козла, который глядит сверху. Он только что чесал свои рога о распределительный щит с обнажёнными проводами, и ничего — живёхонек!

Это загадочное научное явление наблюдается на электролинии, которая построена в 1948 году в Сосновском районе, Ленинградской области, на предмет электрификации колхоза «Знамя труда». Впрочем, местные специалисты дают по этому поводу следующее объяснение: дескать, было такое дело... По проекту «Ленстройсельэлектро» соорудили несколько километров линии с двумя трансформаторными подстанциями, сделали проводку в домах колхозников. А когда все работы, стоившие 80 тысяч рублей, были закончены, руководство районной электростанции торжественно объявило:

— О включении новой линии в сеть и речи быть не может! У нас мощность того... маловата.

И новое сооружение вместо того, чтобы жить да поживать, стало гнить да загнивать год от года.

Об этой прискорбной электронеувязке уже писали в Ленинградский облисполком. Просили: ладно, мол, шут с ней, с районной электростанцией, разрешите подключиться к высоковольтной линии, которая по соседству проходит на Ленинград! Но и до сих пор колхозники в «Знамени труда» сидят при керосиновых лампах...

Да, теперь всё понятно! Череп на плакате зря пытается запугать коз: скорее всего, не от них, а от всей этой электролинии скоро останутся рожки да ножки...

КАК НИ СТРАННО, НО...

...исполняющий обязанности начальника отдела общего надзора прокуратуры Башкирской АССР тов. Леонтьев добился серьёзных успехов в искусстве жонглирования одной фамилией.

В своём официальном ответе на обращение к нему гражданина Хортюнова он назвал его сначала Хартоповым, затем Харитоновым, после Рахитоновым и, наконец, Харионовым.

Факт этот свидетельствует не только о жонглёрских способностях тов. Леонтьева, но также и о том, что за отделом общего надзора тоже нужен надзор.

Дорогой Крокодил!

Рисунок Б. МАРКЕВИЧА.

В колхозах нередко ставят сторожами стариков преклонного возраста или подростков.

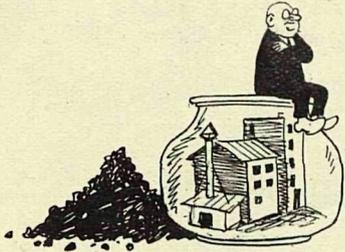
(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Мы пришли к твёрдому убеждению, что самым выдающимся специалистом консервной промышленности является заместитель министра промышленности продовольственных товаров УССР тов. Воробьёв.

Посмотрел бы ты, как он умеет консервировать! Ведь это тов. Воробьёв законсервировал в 1951 году целый брикетный завод для первичной обработки свёклы, построенный на хуторе Маркизовка, Золотоношского района.

Почти на два миллиона рублей оборудования, котельная установка, кирпичные здания, запасы каменного угля — всё было брошено на произвол судьбы.

Как его ни уговаривали руководители района передать завод золотоношским районным организациям, тов. Воробьёв был неумолим: — Завод никому не отдадим! Будем делать сироп! Патоку делать будем!

Но завод до сих пор не даёт ни сиропа, ни патоки.

Видишь, дорогой Крокодил, как надёжно консервирует тов. Воробьёв!

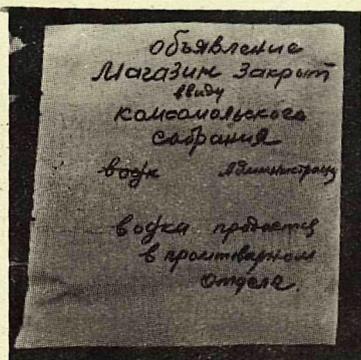
И. РЯБОШТАН,
корреспондент газеты «Правда Украины».

Черкасская область.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Недавно меня поразила деталь, которая довольно ярко показывает, как любовно и заботливо относятся к покупателям работники продовольственного магазина, обслуживающего наш посёлок.

Возвращаюсь я с работы, подхожу к магазину и вдруг вижу — на дверях замок, а выше замка — объявление:

Остался я, правда, без хлеба к ужину (и, пожалуй, не только я!), но зато убедился в чуткости работников нашего магазина к тем покупателям, которые считают водку «хлебом насущным».

Б. БОКМАН

пос. Никитино,
Чкаловской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Как ты знаешь, у нас на целине много молодёжи. Юноши и девушки здесь не только упорно трудятся, но и... влюбляются и даже женятся. Естественно, что такие торжественные события требуют документального оформления.

Это оформление ты, вероятно, представляешь себе так: в комнату председателя нашего сельсовета тов. Савченко входят радостные молодые люди, пришедшие зарегистрировать свой брак. Тов. Савченко быстро оформляет документы и тепло поздравляет молодожёнов. А дома их ждёт празднично накрытый стол...

Ты прав только в одном — дома молодожёнов действительно ждёт праздничный стол. Всё же остальное — лишь наша мечта. Молодых людей в сельсовете не встречает приветливая улыбка тов. Савченко. От него можно услышать только любезное приглашение «зайти через недельку». А «неделька» эта растянулась на несколько месяцев. Уже полгода нет в сельсовете ни свидетельств о браке, ни свидетельств о рождении...

И не хочет понять тов. Савченко, что подобное «испытание верности» совершенно ни к чему.

Е. РЫБАКОВА,
председатель райкома.

Долонская МТС,
Павлодарской области.

Тонкий вкус

— Была в кино, иду опять:
Понять,
Запомнить,
Перенять...
— Что вам так нравится в картине!
— Причёска киногероини.

Владимир ИВАНОВ

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 32 за 1954 год Крокодил поместил фельетон «Сорок семь близнецов» — о существовании на Украине строительномонтажных управлений, дублирующих друг друга.

К настоящему времени Министерство промышленности продовольственных товаров СССР ликвидировало 73 мелких строительномонтажных управления, Министерством торговли СССР проведено объединение трестов «Союзторгстрой № 8» и «Укрторгстрой».

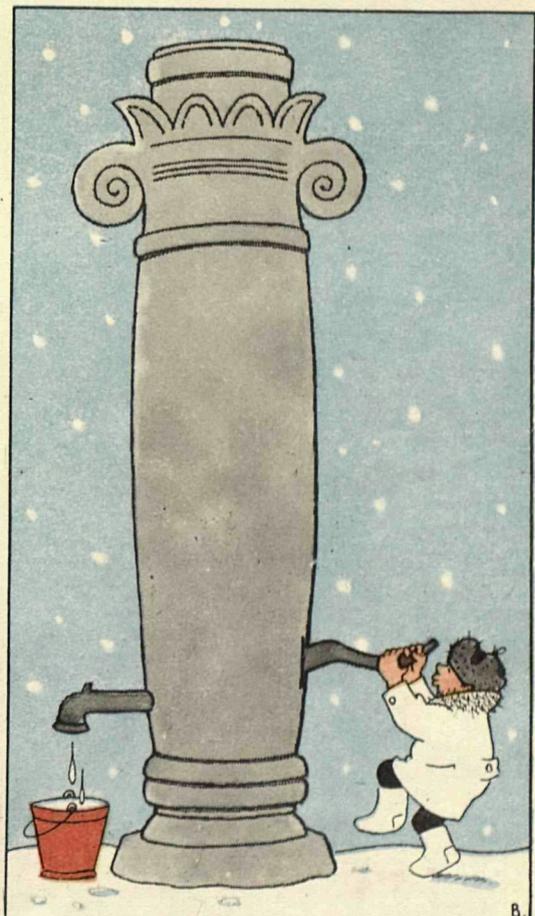
В № 18 за 1955 год была опубликована заметка «Как ни странно, но...» — об отсутствии парикмахерской в селе Марфовке, Крымской области. Парикмахерская в селе Марфовке открыта.

В заметке П. Пчелина (Крокодил № 24) сообщалось о том, что в совхозе имени Розы Люксембург, Рязанской области, выстроены хорошие детские ясли, но открытие их откладывается из месяца в месяц.
В настоящее время ясли открыты.

— Если заберутся вору, хватай их и тащи в сельсовет.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

ВОДРАЗБОРНАЯ КОЛОНКА.

(По проекту архитектора Украшателева).

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОВ.

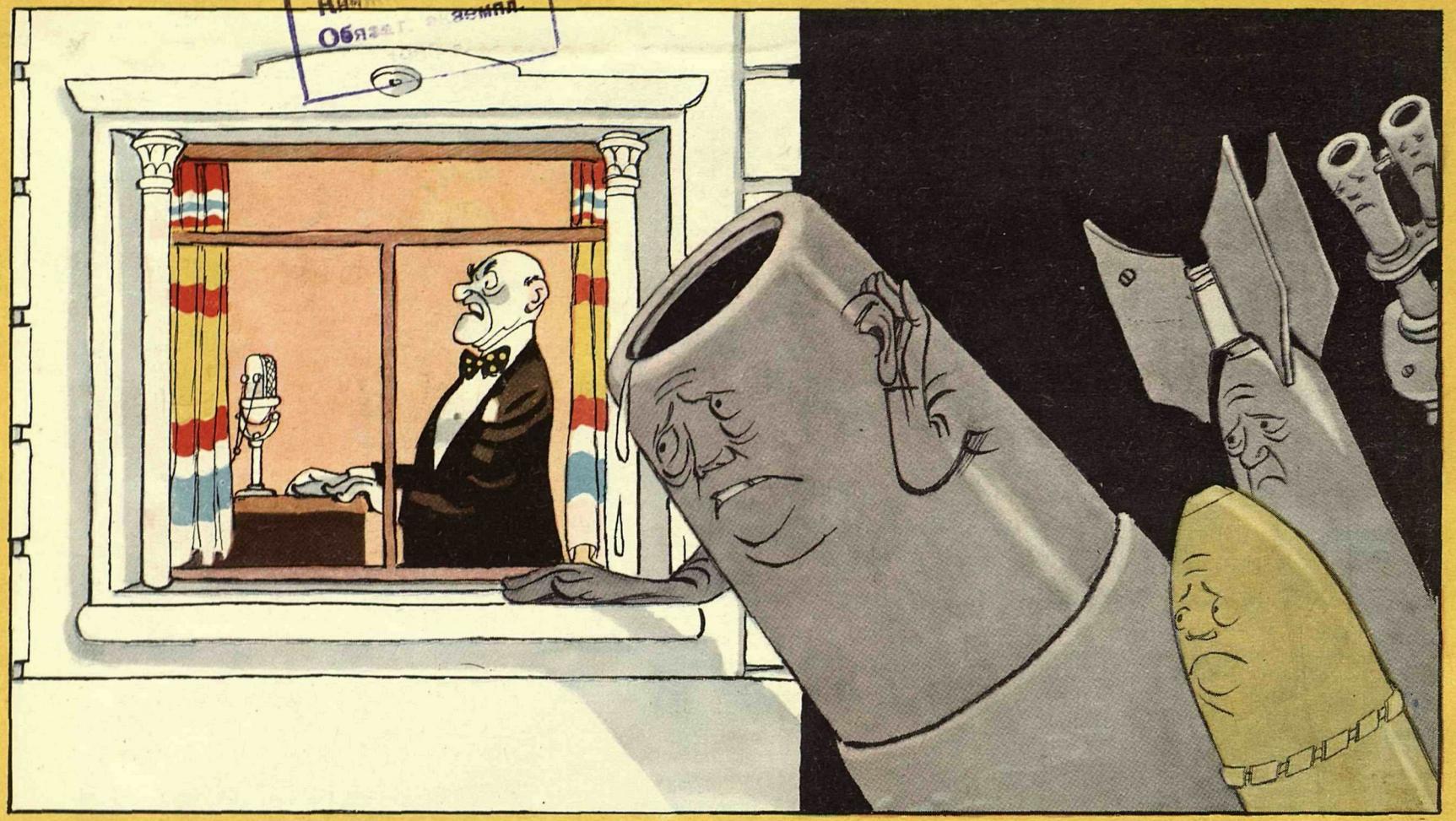
Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05673. Изд. № 949. Подписано к печати 21/XI 1955 г. Формат бум. 70x108%. Заказ № 3111. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Определённые круги на Западе, выступающие в роли сторонников разоружения, на деле стремятся свести всю проблему разоружения к второстепенным деталям.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Всеобщая
Книжная палата
Обязат. к покупке

— Тс-с! Этот оратор говорит о разоружении...

ЮР 55

— Ну, можно не бояться: такое разоружение нам ничем не угрожает!